

Научная статья

УДК 82

doi: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-45-54

Актуализация в русской поэзии воспоминаний об Отечественной войне 1812 года в контексте Крымской войны 1853–1856 годов

Мария Вадимовна Патрикеева

Аспирант отдела русской классической литературы ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН». 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

keriotika@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5055-9118>

Аннотация. В сознании современников Крымская война 1853–1856 гг. и предшествовавшая ей Отечественная война 1812 г. были теснейшим образом связаны. Автор статьи исследует образ французов и Франции в целом как знакомого России по войне 1812 г. врага. В статье анализируется система образов, мотивов, воспоминаний, связанных с событиями 1812–1814 гг. и нашедших отражение в поэтических откликах современников Крымской войны 1853–1856 гг. Автор статьи указывает на причины актуализации воспоминаний, показывает, как и в чём изменилось восприятие французов как военных противников по сравнению с предыдущей войной. В частности, особое внимание в работе уделяется изображению в русской поэзии Наполеона I и его племянника Наполеона III. Если Наполеон I описывается русскими поэтами 1850-х гг. в уважительной манере, как зрелый политик, то образ Наполеона III прочно связывается с мотивами предательства, неблагодарности за милосердие русских по отношению к Франции в 1814 г. Не меньшего внимания удостоивается в статье осмысление образов ветеранов Отечественной войны 1812 г., появившихся в стихотворениях периода Крымской войны и живыми, жаждущими вновь встать на защиту Родины, и мёртвыми, негласно призывающими потомков повторить победу над забывшимися французами. Кроме образов и мотивов, отражающих российско-французские отношения в историческом контексте, автор статьи находит в поэтических откликах современников на события Крымской войны и мотивы пира, угощения, вне соответствующего контекста с темой войны не связанные.

Ключевые слова: Крымская война, Отечественная война 1812 года, Россия, Франция, Александр I, Наполеон I, Наполеон III

Для цитирования: Патрикеева М. В. Актуализация в русской поэзии воспоминаний об Отечественной войне 1812 года в контексте Крымской войны 1853–1856 годов // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 45–54. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-45-54>

Original article

Actualizing memories of the 1812 Patriotic War in the context of the Crimean War of 1853–1856

Maria B. Patrikeeva

Postgraduate student, department of russian classical literature, A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya st., 25a

keriotika@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5055-9118>

Abstract. In the minds of contemporaries, the Crimean War of 1853–1856 and the Patriotic War of 1812 that preceded it were closely linked. The author of the article examines the image of the French and France as an enemy familiar to the Russians from the 1812 Patriotic War. The article analyzes the system of images, motives, memories associated with the events of 1812–1814 and reflected in the poetic works of the Crimean campaign contemporaries. The author of the article points out the reasons for the actualization of memories, shows how and in what way the perception of the French as military adversaries has changed in comparison with the previous war. Particular attention is paid to the depiction of Napoleon I and his nephew Napoleon III in Russian poetry. If Napoleon I is described by Russian poets of the 1850s. in a respectful manner as a mature politician, the image of Napoleon III is firmly associated with the motives of betrayal, ingratitude for the mercy of Russians towards France in 1814 war. No less attention is paid to the images of the 1812 Patriotic War veterans who appear in the poems of the Crimean War period both alive, eager to rise again to defend the homeland, and dead, tacitly calling on their descendants to repeat the victory over the French.

© Патрикеева М. В., 2021

Apart from the images and motifs reflecting Russian-French relations in the historical context, the author finds motifs of feasting and entertainment unrelated to the theme of war in the poetry contemporary to the events of the Crimean War.

Key words: Crimean War, Patriotic War of 1812, Russia, France, Alexander I, Napoleon I, Napoleon III

For citation: Patrikeeva M. B. Actualizing memories of the 1812 Patriotic War in the context of the Crimean War of 1853–1856. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2021;(4):45-54. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2021-4-27-45-54>

Введение

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг., в которой против русской армии выступила коалиция держав, стала для России столкновением как с ранее неизвестными врагами (например, Великобритания выступила в качестве непосредственного её противника в крупной военной кампании только в Крымской войне), так и с хорошо известными – Османской империей (это нашло отражение, например, в стихотворении «Я играю во струну...»: «*Особливо турки знают / Силу русского итыка, / Да скоренько забывают, / Видно память не крепка*» [Н., 1855, с. 7]), Францией. В зависимости от степени «известности» того или иного врага российской общественности вокруг него формировался определённый комплекс мотивов и образов, находивший отражение в первую очередь в произведениях художественной литературы (анализу этнических стереотипов, особенностям формирования образа врага в русской и английской художественной литературе посвящена статья С. В. Шешуновой [Шешунова, 2016]), особенно выразительно – в поэтической откликах. Неоднородность и своеобразие поэтического восприятия каждого из участников вражеской коалиции закономерна. В поэтическом осмыслении Великобритании – государства, ранее не вступавшего в прямое вооружённое противостояние с Россией, часто встречаются предупредительные мотивы: страну, не видевшую Полтавского и Бородинского сражений, поэты то в торжественной, то в иронически-насмешливой манере уведомляют о грозящей ей опасности: «*Знакомы туркам мы, французам – / Лишь Альбион не знает нас*» [Н. Щ., 1854б, 11]; «*Я вас-то знаю – тощих – / Во Франции видал, / А вас-то вот, не тощих, / Со всем и не знавал!*» [Преснов, 1855, с. 7].

Характерно, что, судя по поэтическим выпадкам, в России была хорошо известна техническая мощь Англии: «*На линейных кораблях / Паровых, винтовых, / По устройству новых! / С тысячами пушек и чугуниеньких игрушек*» [Глинка В. С., 1854, с. 3]. Однако, как видно, в начале Восточной войны неравенство сил с таким мощным противником несколько не пугало, а, напротив,

воодушевляло и раззадоривало поэтов.

По-иному поэтически воспринимается в России середины XIX века Франция – страна, которая в исторически недавнем прошлом приходила как захватчик на русскую землю. В данной статье мы рассмотрим образ Франции в стихотворениях времен Крымской кампании в контексте событий Отечественной войны 1812 года.

В коллективном сознании русского народа вступление в войну Франции в апреле 1854 года стало поводом, с одной стороны, для глубокого презрения в контексте предательства братьев по вере, отступничества от христианства, с другой – для удивления, непонимания: как французы, так бесславно покинувшие Россию в декабре 1812 года («*роковой для них поход*» [Н., 1855, с. 8]), а в 1814 году видевшие Александра I в своей столице, осмелились вновь посягнуть на её суверенитет: «*И вам ли после тех событий / На нас с угрозой восставать / И к нам воинственную рать / Вести на пир кровопролитий?*» [Марков, 1854, с. 8].

Поскольку с момента окончания Отечественной войны и завершения заграничного похода русской армии едва прошло 40 лет (как раз во время Крымской войны 19 марта 1854 года торжественно отмечалось 40-летие вступления в Париж русских войск), события 1812–1814 годов были живы в умах и сердцах русских людей. Более того, ветераны войны 1812 года активно откликнулись на новый вызов с Запада, тем самым способствуя укреплению восприятия событий Крымской кампании как идейного продолжения Отечественной войны 1812 года. По справедливому замечанию Н. В. Шаповаловой, война 1853–1856 годов воспринималась «через призму исторического опыта 1812 года» [Шаповалова, 2018, с. 13].

Осмыслению Крымской войны с позиций 1812 года, «позорного для недругов России, но незабвенно-славного для Неё» [Владимиров, 1854, с. 18], способствовал в первую очередь сам император, в своем манифесте 9 февраля 1854 года, посвящённом вступлению в военную кампанию Англии и Франции, заявивший: «*Мы и ныне не тот ли самый народ русский, о добле-*

стях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года!» [Богданович, 1876, с. 38].

Напоминали об Отечественной войне 1812 года и поэты, но, конечно, не французам, а соотечественникам, чтобы воодушевить их, показать, что все потери в той войне были не напрасны, что сила духа и вера в праведность русской миссии по защите Православия обязательно приведут к новым победам – Россия станет только сильнее. Таким образом, неслучайно изображение поэтами Отечественной войны 1812 года как комплекса событий, несущих для страны созидательные последствия:

Этот след <Отечественной войны – прим. М. П.>

низвёл в могилу

Всех грозивших нам врагов,

В русском сердце открыл силу,

Неизменную любовь!

Он довёл Русь до сознанья

Что Господь над Ней и с Ней,

Что врагов Её восстанье

Им – постыдно, славно – Ей! («Слово к недругам») [Владимиров, 1854, с. 17]

Апогеем военного успеха войны 1812 года для всего русского общества, безусловно, стало вступление русских войск во главе Александра I в Париж 31 марта 1814 года. Это событие справедливо воспринималось как победа, значимая не только для России, но в первую очередь для всего мирового сообщества. Закономерно, что в стихотворениях современников Крымской войны оно последовательно, систематически отражалось. Так, в «Боевой песне» лирический герой призывает не без гордости вспомнить, «...где бывали / Полковые знамена» [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 69]. Неслучайно первым городом называется именно Париж. В стихотворениях периода Крымской войны Париж предстаёт знакомым городом, куда несложно будет попасть вновь: «К Парижу буйному <...> / По старой памяти дорогу мы найдем!» («Ответ солдата») [Владимиров, 1854, с. 12].

Приступая к анализу тесно связанных с событиями Отечественной войны 1812 года мотивов и образов, появившихся в поэтических откликах на события Крымской войны, в первую очередь стоит обратиться к интерпретации поэтами образов Наполеона I и Наполеона III – дяди и племянника. Наполеона Бонапарта называют «гигантом вековым» [Марков, 1854, с. 7], «великим

вождём» [Гурьянов, 1854, с. 22], «гордым Галлом» [Россия на призыв ... , 1855, с. 12], «счастья властелином» [Глинка В. С., 1854, с. 5], «Исполном земли» [Фёдоров, 1854а, с. 4], «не племяннику <...> парой» [Н., 1855, с. 7]. Таким образом, можно отметить, что отношение к Бонапарту холодно-уважительное: величие императора не вызывает у поэтов сомнений. Наполеон III как преемник бонапартовской державы описывается в стихотворениях снисходительно, с пренебрежением. Неслучайно его называют «племянничком» [Татаринов, 1854б, с. 3], который, словно ребёнок, лишь «машет дядюшкиной шпагой» («На нынешнюю войну») [Собрание патриотических ... , ч. 1, 1854, с. 3] и только недавно «встал на ножки» [Глинка В. С., 1854, с. 5]. Особенно примечательно ироничное выражение, использованное в отношении Наполеона III поэтом В. С. Глинкой: «попал в Наполеоны» [Глинка В. С., 1854, с. 5]. Очевидно, его функция – в создании у читателей ощущения случайности прихода Луи Наполеона к власти, отсутствия преемственности власти от Бонапарта. Характерно, что Глинка употребляет имя собственное в нарицательном значении, которое ранее придал ему А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» («Мы все глядим в Наполеоны»). Несмотря на то что в 1854 году Наполеон III был во вполне солидном для военачальника возрасте (46 лет), поэты именуют его «французиком», который «недавно оперился» [Татаринов, 1854а, с. 5]. Если Наполеон I взволновал Европу, покорил множество государств, наложив на них контрибуции, управлял многонациональной армией, то его племянник – лишь «удобный», ведомый союзник, которого можно использовать для воплощения собственных корыстных целей и амбиций. Образ Наполеона III как безвольного правителя, а значит, и французов как народа, которым легко манипулировать, нашёл отражение во многих стихотворениях:

Вот в воинственном азарте

Воевода Пальмерстон

Поражает Русь на карте

Указательным перстом.

Вдохновлен его отвагой,

И француз за ним туда ж. («На нынешнюю войну») [Собрание патриотических ... , ч. 1, 1854, с. 3]

Турок Англия смутила

И французов приманила,

Заклучив союз. [К. Г. В., 1854, с. 1]

*Ну, ребятаушки, солдаты,
На нас турки-супостаты
С Англией идут,
Францию зовут.
И французик согласился.*
[Татаринов, 1854а, с. 5]

*И если Англия у Франции просила,
Чтоб шла с ней в Балтику её морская сила,
Так только для того, чтоб был с ней кто-
нибудь
По вкусу нации, для большего комфорта,
И с тем, чтоб запугать, врагам навевать
страх. («Союзникам Турции»)*
[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854,
с. 36]

Одной их главных ошибок Наполеона III русские поэты называют союз с Англией – историческим соперником Франции. Закономерно, что ничего хорошего и созидательного такая коалиция для самих французов не предвещает:

На свою, кажись, беду, Он <Наполеон III – прим. М. П.> и с Англией в ладу.
[К. М. С., 1855, с. 3]

*Забыв всё прошлое, с поддельною приязнью-
Составили союз вы с недругом своим И думать
смете разрушить стену эту?.. («Союзникам
Турции»)*
[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854,
с. 35]

Более того, русские поэты были солидарны в том, что именно Англия, считавшая Бонапарта узурпатором, выступавшая против сохранения им императорского титула, не просто отправила и сопровождала Наполеона на остров Святой Елены, а «заточила» его там:

*И руку жмёт тому племянника рука,
Кто дядю заточил: все древние раздоры
Забвенью преданы из ненависти к нам.*
(Ф. Миллер «Молитва у гроба Кутузова»)
[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854,
с. 35]

*Англью крепко не любил.
(Он <Наполеон I – прим. М. П.> ей солно до-
садил!)*

*За то Англия отмстила,
Поймав, в заточенье посадила.*
[Глинка В. С., 1854, с. 5]

Не менее важным в сопоставлении Англии и Франции для поэтов является мотив забвения с

одной стороны и мотив наивного неведения с другой. Вступление в войну Англии поэтически оценивается как самонадеянный и необдуманый поступок, но всё же заслуживающий снисхождения, ведь англичане на собственном опыте ещё не узнали, насколько грозным врагом для своих недругов является Россия:

*Альбион – статья иная:
Он ещё не раскусил,
Что за машина такая
Наша Русь и в сколько сил. («На нынешнюю
войну»)*
[Собрание патриотических ... , ч. 1, 1854, с. 4]

*Но англичане нас не знают,
Им неизвестен русский штык;
Пускай начнут бой, так узнают,
Что русский бить врагов привык.*
[Н. Щ., 1854а, с. 8]
*Его <француза – прим. М. П.> друг верный –
Альбион,
Не зная, с кем имеет дело,
Кричит, как будто бы шальной.*
[Щиглев, 1854б, с. 8]

Французы, напротив, это противники, наученные опытом, а значит, они не должны повторять ошибки. Русские поэты обращают внимание даже на символизм чисел: 2 сентября (по старому стилю) 1812 года наполеоновская армия со стороны Поклонной горы вошла в Москву и 2 сентября 1854 года французы в составе союзного флота начали высадку под Евпаторией. Характерно, что вступление в Москву, триумфальное в глазах Наполеона, называется «приглашением» со стороны Кутузова: «Как нашествье в Крым вошло, / Во второе сентября, / Полководец наш Кутузов / В 1812 году / Пригласил господ французов / В матушку Москву!» [Глинка В. С., 1854, с. 4] Таким образом, символизм даты 2 сентября, отмеченный в стихотворении В. С. Глинки, свидетельствует о том, что Франция поступила опрометчиво: высадка в Крым, как и вступление Бонапарта в Москву, хоть сначала и кажется победой, демонстрацией силы, впоследствии приводит французов к поражению.

В стихотворениях постоянно встречаются слова и словосочетания, связанные с мотивом забвения, повторяемости истории: «опять», «по старой памяти», «забыл», «напомним», «вспомнят», «по знакомому пути», «забвенью преданы»:

*Француз опять, вишь, стал коситься –
Забыл двенадцатый он год?*

Опять щетинится, ершится,

Опять войной на нас идёт?

[Щиглев, 1854а, с. 6]

*Забыл труды, и жизнь, и смерть Наполеона,
Героя прошлых дней!... Всё, всё забыл Фран-
цуз!*

(А. Теряев «Союзникам Турции»)

[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 34]

*Тверда, могуча Русь! Года давно были
Она напомнит вновь забывшимся врагам...*

(«Ответ солдата»)

[Владимиров, 1854, с. 11]

*Забыли Галлы, как в своих равнинах снежных
Ты успокоила их дерзостный порыв,
И усмирила дух безумный и мятежный,
И ярых волн отбросила прилив.*

(Рончевский «К России»)

[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 15–16]

Уже ль забыл или не помнит

Про участь дяди своего?

Так пусть же Русь ему напомнит,

Как воевать с ней тяжело!

[Щиглев, 1854б, с. 6–7]

В сознании поэтов единственным поводом для повторного нападения на Россию могло быть лишь желание Франции отомстить за нанесённое ей в 1812 году поражение: «Мы за старое отместили! / Русских в прах расколоутили!» [Глинка В. С., 1854, с. 2]

Укорить французов и ещё больше укрепить в русских людях веру в праведность военных действий призван в лирике периода Крымской войны образ императора Александра I. Войдя 31 марта 1814 года в Париж «со свежей вестью любви и примиренья» (Ф. Миллер «Молитва у гроба Кутузова») [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 59], он вёл себя не как захватчик, а как освободитель Европы. Как отмечает французский историк-русист Мари-Пьер Рэй, перед началом французского похода русский император, обращаясь к солдатам, «призывал к умеренности и христианскому милосердию в отношении французского врага» [Рэй, 2013, с. 292]. Не только рядовые французы, но и сам Наполеон получил от Александра I милость: при непосредственном участии русского императора Бонапарт стал сюзереном острова Эльба и получил довольно внушительную ежегодную пенсионную выплату.

Русская армия, по убеждению императора, находясь в Париже, должна была стать воплоще-

нием милосердия, верности христианским заповедям (всех нарушителей ожидали неотвратимые наказания): например, Александр I не позволял военным «присутствовать на спектаклях во время Страстной недели» [Рэй, 2013, с. 300]. Мировлюбивое поведение русских во французской столице отразилось не только в исторических документах и исследованиях, но и в поэтических откликах периода Крымской войны: «Но, засорив поля картечью, / В Париже русский мирно жил / И бойкою французской речью / Да русским золотом сорил!» [Глинка Ф. Н., 1854, с. 8] Сам император вёл в Париже жизнь очень насыщенную и при этом благочестивую: 28 марта 1814 года на площади Согласия устроил Пасхальное богослужение, провёл не одну беседу с французскими интеллектуалами, посетил множество объектов культурного и исторического наследия Франции. Таким образом, справедливо суждение Мари-Пьер Рэя о том, что «уже в момент вступления во французскую столицу Александр проявил исключительную умеренность» [Рэй, 2013, с. 295–296]. Уместно вспомнить и слова самого Александра I: «Французы – мои друзья, и я хочу доказать им, что пришёл воздать добром на зло» [Рэй, 2013, с. 295].

Способность Александра I к милосердию и состраданию даже по отношению к врагам не могла не быть отмечена соотечественниками. Благодарной Александру за победу в войне с Бонапартом должна была быть, по мнению российской общественности, не только Россия, но и Франция, и вся Европа («Русь шла вперед, Европу избавляя») (Е. П. Ростопчина «19-е марта 1854 года») [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 67]; «Всю Европу спас» [Фёдоров, 1854а, с. 4]):

*Наши Александр восстал среди Царей,
Своим врагам Он даровал прощенье,
Дал миру мир как друг людей!..*

(Е. П. Ростопчина «19-е марта 1854 года»)

[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 67]

*И Александр Благословенный
Народам утеснённым внял –
Европе, цепьюотягченной,
Мечом свободу даровал.*

(«Голос русского верноподданного»)

[Зубов, 1854, с. 9]

*... за наши грады
И за Москву наш Царь не мстил
И белым знаменем пощады
Столицу Франции покрыв*

[Глинка Ф. Н., 1854, с. 6].

В стихотворениях периода Крымской войны Александра называют «ангелом примиренья» (Е. П. Ростопчина «19-е марта 1854 года») [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 67], «кротким» (Ф. Миллер «Молитва у гроба Кутузова») [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 59], «Православным» [Гурьянов, 1854, с. 6] царём.

В откликах на события Крымской войны поэты справедливо высказывают возмущение, даже негодование, описывая неблагодарность французов, забывших проявленное к ним милосердие и вновь лицемерно посягнувших на Россию:

*Иль забыли вы, мятежные державы,
Когда пленённые к снегам России шли
Вы под знамёнами его, любимца славы, –
Но грудью встали мы и братски вас спасли,
Неблагодарные!* (Н. Левашев «Святая брань»)

[Собрание патриотических ... , ч. 1, 1854, с. 29]

*Зачем опять грозой военной
Взвилась над миром знамена?
<...>*

Не вы ль, народы и владыки,

*Не вы ли гимны пели нам,
Когда права борьбой великой
Мы возвратили племенам.*

(Н. Арбузов «Врагам России»)

[Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 38–39]

Актуализации воспоминаний об Отечественной войне 1812 года способствовали образы воинов, участвовавших в ней, – ветеранов, во время Крымской войны ставших олицетворением мужества, силы русского духа, былых побед русского штыка. Однако очевидцы и непосредственные участники сражений с Бонапартом появились не только в качестве образов на книжных страницах – современники той войны сами напомнили о себе, посвятив Крымской войне множество ярких стихотворений (поэтическому наследию непосредственных участников войны 1812 года, ставших современниками Крымской войны, посвящена работа Н. В. Шаповаловой «Крымская война в художественном творчестве ветеранов 1812 года (по произведениям П. А. Вяземского и Ф. Н. Глинки)» [Шаповалова, 2018]). Стоит отметить, что среди поэтических откликов П. А. Вяземского и Ф. Н. Глинки не так много произведений, напрямую отсылающих читателей к событиям 1812 года, однако лишь факта их участия в Отечественной войне было уже достаточно для того, чтобы каждое стихотворение о Крымской войне их авторства стано-

вилось поводом к установлению аналогий между этими военными кампаниями. Таким образом, в контексте Крымской войны можно говорить о ветеранах войны 1812 года, с одной стороны, как об авторах, вновь заявивших о себе в литературном пространстве, и как о художественных образах, персонажах, появившихся в стихотворениях о событиях 1853–1856 с целью воодушевления бойцов, укрепления их веры, напоминания о том, что французы однажды уже были побеждены их предками.

Ярким примером стихотворения, героями которого стали ветераны войны 1812 года, является произведение Петра Татаринова «Авдей и Степан или Русский солдат не стареется!» (1854). Перед читателем – диалог двух солдат, которые уже ушли в отставку, но, узнав о том, что враги снова «Россиюшке грозят» [Татаринов, 1854а, с. 6], готовы взяться за оружие, встав на защиту Родины (схожий сюжет положен в основу стихотворения П. П. Зубова «Песня старого русского солдата, идущего вновь на службу из отставки за веру, царя и Отечество» [Зубов, 1854, с. 22–24]):

*Не изменит штык по дружбе,
Он на битвах закален.
Двадцать лет я был на службе.
...Нас видал Наполеон.
[Татаринов, 1854а, с. 7]*

Несмотря на уже имеющиеся боевые заслуги («Есть Георгий и медаль») и солидный возраст («Мы стареньки!»), ветераны снова рвутся в бой, не собираясь смотреть, как за них «другой дерётся» [Татаринов, 1854а, с. 7]. Образ нестарящегося солдата, теряющего власть над штыком лишь в момент смерти, способного достойно пройти очередную войну, укреплял веру в победу бойцов Крымской войны, показывал им, что рядом плечом к плечу с ними сражаются опытные, мудрые воины.

Зачастую идея преемственности опыта войны 1812 года передавалась поэтами с помощью особой формы изложения – как диалог представителя молодого поколения со старшим. Так, персонажами, ведущими беседу о былых сражениях, часто становились некий юноша и его дядя (см. стихотворение А. А. Кононова «Дядя и племянник, или И я с тобой!» [Кононов, 1854, с. 1–6]) или дед и внук (см. стихотворение Н. Арбузова «Дед ко внуку» [Голос за родное, 1854, с. 14–16]). Л. В. Мельникова справедливо отмечает, что подобная форма изложения вызывала у читателей ассоциации с уже знакомым им стихотво-

рением М. Ю. Лермонтова «Бородино» [Мельникова, 2013, с. 107]. В названии таких поэтических произведений часто встречалось слово «разговор» – «Разговор» Г. Фёдорова, «Народный разговор» М. С. Владимиров.

Символично, что стихотворение «Народный разговор» начинается с обращения: «Дядя! Слышал? Басурманы / Нам грозят бедой опять» [Владимиров, 1854, с. 31]. Паническому состоянию, смятению молодого человека поэт противопоставляет хладнокровие и даже несколько, казалось бы, легкомысленное отношение ветерана:

– Что же, парень? Пусть их идут
По знакомому пути...

[Владимиров, 1854, с. 31]

За этим видимым спокойствием, однако, скрывается вовсе не равнодушие, а багаж уже одержанных побед, а значит, и способность уверенно, не отводя глаз, даже свысока смотреть на противника:

– Эка вяха! Больно прытки!
Вот ужю им с кондачка,
Под салазки, под микитки
Даст Русь славного толчка:
Как начнёт лудить им спину
Вдоль по жиле становой –
Так и вспомнят ту былинку,
Что случилось под Москвой!!!

[Владимиров, 1854, с. 32]

Встречаются и стихотворения, где ветераны становятся не рассказчиками, а адресатами слов благодарности и глубокого уважения. Так, в стихотворении Евдокии Ростопчиной «19-е марта 1854 года», написанном в честь 40-летия войны 1812 года, «воинам седым» воздаётся «хвала и честь» [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 67]. Однако и в этом произведении автор обращается к ветеранам с призывом воодушевить молодое поколение на защиту Отечества: «Отцы, – сынам велите стать в отмищенье, / За Русь, за честь, и им на брань пора...» [Собрание патриотических ... , ч. 2, 1854, с. 67]

Героями стихотворений периода Крымской войны становятся не только простые солдаты былых сражений – и те, кто уже лежит в могилах, и те, кто жив и готов вновь вступить в бой, но и великие полководцы – кузнецы великих побед России. В стихотворении крестьянина Г. Фёдорова «Суворов» с подзаголовком «Дума» автор призывает полководцев прошлого встать и проснуться, чтобы увидеть плоды трудов потом-

ков. Следовательно, идея преемственности поколений (причём достойные сменяются достойными) оказывается в контексте событий Крымской войны крайне важной. Так, Суворов – участник и первой, и второй русско-турецкой войны – должен увидеть, как с него «пример берут» [Фёдоров, 1854б, с. 7], причем не только солдаты, но и прапорщик Александр Щёголев – герой Крымской войны, отличившийся при бомбардировке англо-французской эскадрой Одессы в апреле 1854 года. Графа Орлова-Чесменского, одержавшего победу над турецким флотом в 1770 году, автор призывает посмотреть на простых моряков и на самого Нахимова – «Черноморца», «Синопского <...> героя» [Фёдоров, 1854б, с. 7]. Кульминацией стихотворения становится обращение автора к Кутузову, который должен посмотреть на достойного преемника, гения военного дела – Бебутова. Фёдоров не забывает отметить и достоинства самого Кутузова:

Ты сгубил в Руси французов,
И Стамбул ты усмирил,
Угостил ты их по-русски
На полях Бородина
И пустил дорогой узкой
Из Московского кремля
[Фёдоров, 1854б, с. 7–8]

Не столь тесно связанным с историческим контекстом, но не менее заметным оказывается в стихотворениях периода Крымской войны мотив пира, традиционного русского угощения. Изысканным блюдам французов, в частности шипучим винам, противопоставляется русский квас, по вкусу уже знакомый врагам:

Взамен будет русский квас –
Сногсшибательный, задорный,
Коем подчивала вас
Так радушно и покорно
На прощанье в год позорный
Наша Матушка-Москва.
(«Слово к недругам»)
[Владимиров, 1854, с. 18]

Традиционный фольклорный ритуал угощения: накормить, напоить и спать уложить – в стихотворениях, посвящённых Крымской войне, непосредственным образом связывается с мотивом смерти:

Ведь в двенадцатом году славное
Было вам, кажись, угощение?
Накормили вас, напоили всех,
Упокоили непробудным сном...

(«Дума москвича»)

[Владимиров, 1854, с. 24–25]

Россия становится олицетворением хлопотливой хозяйки, готовящей «*пир <...> на весь людный мир*». Для неё приход «гостей» вовсе не оказывается неожиданным, неслучайно гости — «*жданные*» [Владимиров, 1854, с. 25]. Особо трагичное звучание придаёт мотиву неминуемой гибели предупреждение: враги должны позаботиться о том, чтобы в живых после русского угощения остался хотя бы один, кто сможет «*домой весть послать*» о том, как Русь «*встретила*» и «*угостила*» [Владимиров, 1854, с. 25].

Анализ произведений русской поэзии 1850-х годов, посвященных Крымской войне, в контексте осмысления в них опыта и уроков Отечественной войны 1812 года позволяет говорить о созвучии в глазах поэтов этих баталий как справедливых со стороны России, в которых она противостоит врагам, вторгшимися на ее территорию. В стихотворениях середины XIX века звучат мотивы морального превосходства над неприятелями, неотвратимости возмездия, идеи преемственности стойкости и героизма русских воинов разных поколений. Обращение в поэтических откликах на события Крымской войны к войне 1812 года призвано найти опору в народной памяти для поднятия духа армии и общества, укрепления веры в свою правоту и силу, развенчать художественными средствами ореол могущества и превосходства противников России.

Библиографический список

- Англо-французцы у Севастополя. Санкт-Петербург : тип. д-та внешней торговли, 1854. 8 с.
- Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов: В 4 т. Санкт-Петербург : тип. Ф. Сушинского, 1876. Т. 1. Приложения к главе X. С. 37–40.
- Владимиров М. С. Альбом патриотических стихотворений / Написаны по случаю современной войны. Санкт-Петербург : тип. Императорской Академии Наук, 1854. 45 с.
- Глинка В. С. Англо-французский десант в Крыму: Севастополь взят!? 2 сент. 1854 г.: (Солдат. ответ). Варшава : тип. С. Оргельбранда, 1854. 6 с.
- Глинка Ф. Н. Ура! Санкт-Петербург : тип. Императорской Академии Наук, 1854. 14 с.
- Голос за родное. Альбом патриотических стихотворений разных авторов на нынешнюю войну. Санкт-Петербург : тип. штаба военно-учебных заведений, 1854. 39 с.
- Гурьянов И. Послание на Кавказ к Силе Андреевичу Богатыреву с берегов Дуная. Чувствования инвалида при событиях 1854 года с прил. многих стихотворений, писанных по случаю настоящей войны с врагами Отечества. Москва : тип. М. Смирновой, 1854. 46, II с.
- Зубов П. П. Стихотворения и русские солдатские песни в 1854 году. Санкт-Петербург : тип. Х. Валя, 1854. 24 с.
- К. Г. В. Три врага России: турки, англичане и французы, или Ай-да гости! // Три врага России: турки, англичане и французы, или Ай-да гости! и Письмо молодого солдата. Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1854. С. 1–7.
- К. М. С. Ай-да Абдул! Всех в Париже обманул, или Донесение татарина Людовику Наполеону о взятии Севастополя. Санкт-Петербург : тип. А. Дмитриева, 1855. 8 с.
- Кононов А. А. Дядя и племянник, или И я с тобой!; Донесение адмирала Непира о победе его над тремя чухонскими лодками: (Рассказ ополченного). Санкт-Петербург : тип. штаба военно-учебных заведений, 1854. 8 с.
- Марков В. Н. Северный бард (по случаю манифеста 11 апреля 1854 года). Вильно: тип. О. Завадского, 1854. 11 с.
- Мельникова Л. В. Культурная память о 1812 годе во время Крымской войны // Историк и художник: сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. Москва: ИЦ Института российской истории РАН, 2013. С. 99–114.
- Н. Я играю во струну // Смех чухонца и песня «Я играю во струну». Санкт-Петербург : тип. Н. П. Богданова, 1855. С. 6–8.
- Н. Щ. Англо-французцы у Севастополя. Санкт-Петербург : тип. д-та внешней торговли, 1854а. 8 с.
- Н. Щ. Замыслы Пальмерстона, или Велик союз, да толку мало! Санкт-Петербург : тип. Э. Веймара, 1854б. 13 с.
- Преснов В. Новости с театра войны. Санкт-Петербург : Н. Герасимов, 1855. 8 с.
- Россия на призыв своего государя // Все за царя или Чувство отца и долг воина и Россия на призыв своего государя: Соврем. стихотворения. Санкт-Петербург : тип. К. Крайя, 1855. С. 9–14.
- Рэй М.-П. Александр I. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 495 с.
- Собрание патриотических стихотворений, написанных разными авторами по случаю военных действий и побед, одержанных Российским победоносным воинством : в 2 ч. / Собр. Н. Клячковым. Москва : тип. М. Смирновой, 1854.
- Татаринов П. П. Знай наших!!, или Не на тех напали. Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корп. внутр. Стражи, 1854а. 8 с.
- Татаринов П. П. Непир у Кронштадта, или Ехал — да не доехал. Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корп. внутр. стражи, 1854б. 8 с.
- Фёдоров Г. Русь: Дума русского мужичка и Кручина доброго молодца. Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1854а. 8 с.

Фёдоров Г. Ополчённый. Две русские песни. Прошение воина. Суворов (Дума). Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1854б. 8 с.

Шаповалова Н. В. Крымская война в художественном творчестве ветеранов 1812 года (по произведениям П. А. Вяземского и Ф. Н. Глинки) // Человек и культура. 2018. № 2. С. 12–19.

Шешунова С. В. Британцы и русские как враги по Крымской войне: литературные образы // Вісник Дніпропетровського університету Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2016. № 2. С. 79–90.

Щиглев Н. Р. Проделки Карлуши в Финском заливе, или Видит глаз, да зуб неймет. Санкт-Петербург : тип. штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1854а. 8 с.

Щиглев Н. Р. Современным врагам России. Санкт-Петербург : тип. Деп. внеш. торговли, 1854б. 12 с.

Reference list

Anglo-francuzy u Sevastopolja = The Anglo-French at Sevastopol. Sankt-Peterburg : tip. d-ta vneshnej trgovli, 1854. 8 s.

Bogdanovich M. I. Vostochnaja vojna 1853–1856 godov = Eastern war 1853–1856 : v 4 t. Sankt-Peterburg : tip. F. Sushhinskogo, 1876. T. 1. Prilozhenija k glave X. S. 37–40.

Vladimirov M. S. Al'bom patrioticheskikh stihotvorenij = An album of patriotic poems / Napisany po sluchaju sovremennoj vojny. Sankt-Peterburg : tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1854. 45 s.

Glinka V. S. Anglo-francuzskij desant v Krymu: Sevastopol' vzjat!? 2 sent. 1854 g.: (Soldat. Otvet) = Anglo-French landing in the Crimea: Sevastopol taken!? 2 Sep. 1854 g.: (Soldier's reply). Varshava : tip. S. Orgel'branda, 1854. 6 s.

Glinka F. N. Ura! = Hurray! Sankt-Peterburg : tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1854. 14 s.

Golos za rodnoe. Al'bom patrioticheskikh stihotvorenij raznyh avtorov na nyneshnjuju vojnu = A voice for the native. Album of patriotic poems about the current war by different authors. Sankt-Peterburg : tip. shtaba voenno-uchebnyh zavedenij, 1854. 39 s.

Gur'janov I. Poslanie na Kavkaz k Sile Andreevichu Bogatyrevu s beregov Dunaja. Chuvstvovanija invalida pri sobytijah 1854 goda s pril. mnogih stihotvorenij, pisannyh po sluchaju nastojashhej vojny s vragami Otechestva = A Message to the Caucasus to Sila Andreevich Bogatyrev from the banks of the Danube. Feelings of an invalid during the events of 1854 including many poems written on the occasion of this war with the enemies of the Fatherland. Moskva : tip. M. Smirnovoj, 1854. 46, II s.

Zubov P. P. Stihotvorenija i russkie soldatskie pesni v 1854 godu = Russian poems and soldiers' songs in 1854. Sankt-Peterburg : tip. H. Valja, 1854. 24 s.

K. G. V. Tri vraga Rossii: turki, anglichane i francuzy, ili Aj-da gosti! = Russia's three enemies: the Turks, the English, and the French, or Good old guests! // Tri vraga Rossii: turki, anglichane i francuzy, ili Aj-da gosti! i

Pis'mo mladogo soldata. Sankt-Peterburg : tip. Shtaba Otd. korpusa vnutr. strazhi, 1854. S. 1–7.

K. M. S. Aj-da Abdul! Vseh v Parizhe obmanul, ili Donesenie tatarina Ljudoviku Napoleonu o vzjatii Sevastopolja = Well done Abdul! He fooled everybody in Paris, or Report of a Tatar to Louis Napoleon about the capture of Sevastopol. Sankt-Peterburg : tip. A. Dmitrieva, 1855. 8 s.

Kononov A. A. Djadja i plemjannik, ili I ja s toboj!; Donesenie admirala Nepira o pobeде ego nad tremja chuhonskimi lodkami: (Rasskaz opolchennogo) = Uncle and nephew, or I too am with you!; Admiral Nepir's report of his victory over three Finnish boats: (a militiaman's story). Sankt-Peterburg : tip. shtaba voenno-uchebnyh zavedenij, 1854. 8 s.

Markov V. N. Severnyj bard (po sluchaju manifesta 11 aprlja 1854 goda) = The northern bard (on the occasion of April 11, 1854 manifesto). Vil'no : tip. O. Zavadskogo, 1854. 11 s.

Mel'nikova L. V. Kul'turnaja pamjat' o 1812 gode vo vremja Krymskoj vojny = Cultural memory of 1812 during the Crimean war // Istorik i hudozhnik: sbornik vospominanij i statej pamjati professora Sergeja Sergeevicha Sekirinskogo. Moskva: IC Instituta rossijskoj istorii RAN, 2013. S. 99–114.

N. Ja igraju vo strunu = I'm playing the string // Smeh chuhonca i pesnja «Ja igraju vo strunu». Sankt-Peterburg : tip. N. P. Bogdanova, 1855. S. 6–8.

N. Shh. Anglo-francuzy u Sevastopolja = The Anglo-French at Sevastopol. Sankt-Peterburg : tip. d-ta vneshnej trgovli, 1854a. 8 s.

N. Shh. Zamysly Pal'merstona, ili Velik sojuz, da tolku malo! = Palmerston's plans, or Great is the union, but not much use! Sankt-Peterburg : tip. Je. Vejmar, 1854b. 13 s.

Presnov V. Novosti s teatra vojny. = News from the war theatre. Sankt-Peterburg : N. Gerasimov, 1855. 8 s.

Rossija na prizyv svoego gosudarja = Russia to the call of the sovereign // Vse za carja ili Chuvstvo otca i dolg voina i Rossija na prizyv svoego gosudarja: Sovrem. stihotvorenija. Sankt-Peterburg : tip. K. Krajja, 1855. S. 9–14.

Rjei M.-P. Aleksandr I = Alexander I. Moskva : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2013. 495 s.

Sobranie patrioticheskikh stihotvorenij, napisannyh raznymi avtorami po sluchaju voennyh dejstvij i pobed, oderzhannyh Rossijskim pobedonosnym voinstvom = A collection of patriotic poems written by various authors on the occasion of military actions and victories won by the Russian victorious army : v 2 ch. / Sobr. N. Kljachkovym. Moskva : tip. M. Smirnovoj, 1854.

Tatarinov P. P. Znaj nashih!., ili Ne na teh napali = We are the ones!., or they've picked the wrong guys. Sankt-Peterburg : tip. Shtaba Otd. korp. vnutr. Strazhi, 1854a. 8 s.

Tatarinov P. P. Nepir u Kronshtadta, ili Ehal – da ne doehal = Napier at Kronstadt, or I went, but didn't get there. Sankt-Peterburg : tip. Shtaba Otd. korp. vnutr. strazhi, 1854b. 8 s.

Fjodorov G. Rus': Duma russkogo muzhichka i Kruchina dobrogo molodca = Russia: A Russian peasant's thoughts and a good man's grief. Sankt-Peterburg : tip. Shtaba Otd. korpusa vnutr. strazhi, 1854a. 8 s.

Fjodorov G. Opolchjonnyj. Dve russkie pesni. Proshhanie voina. Suvorov (Duma) = The militiaman. Two Russian songs. A farewell of a soldier. Suvorov (Thought). Sankt-Peterburg : tip. Shtaba Otd. korpusa vnutr. strazhi, 1854b. 8 s.

Shapovalova N. V. Krymskaja vojna v hudozhestvennom tvorchestve veteranov 1812 goda (po proizvedenijam P. A. Vjazemskogo i F. N. Glinki) = The Crimean War in the art of 1812 veterans (based on the works of P. A.

Vjazemsky and F. N. Glinka) // Chelovek i kul'tura. 2018. № 2. S. 12–19.

Sheshunova S. V. Britancy i russkie kak vragi po Krymskoj vojne: literaturnye obrazy = The British and Russians as enemies in the Crimean war: literary images // Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu Al'freda Nobelja. Serija «Filologichni nauki». 2016. № 2. S. 79–90.

Shhiglev N. R. Prodelki Karlushi v Finskom zalive, ili Vidit glaz, da zub nejmet = Karlusha's Tricks in the Gulf of Finland, or So near and yet so far. Sankt-Peterburg : tip. shtaba Otd. korpusa vnutr. strazhi, 1854a. 8 s.

Shhiglev N. R. Sovremennym vragam Rossii = To Russia's contemporary enemies. Sankt-Peterburg : tip. Dep. vnesh. trgovli, 1854b. 12 s.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 11.11.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted on 27.09.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication on 12.11.2021.